

- Донатас, подумать только, вы более пятидесяти лет на сцене. С юной поры Мильтиниса до наших дней. И все в одном театре, в одном городе. Сколько, образно говоря, исторических декораций сменилось за это время! Как отражаются, на ваш взгляд, эти перемены на судьбе театра?

- Но человек, по несчастью или к счастью, меняется не так быстро, как декорации. И современному зрителю Шекспир, Софокл или Чехов способны сказать куда больше, чем поделки на злобу дня. Те, кто политизирует театр, превращает его в балаган, в модное шоу ради кратковременного успеха, по сути разрушают его. Вечное призвание искусства - лечить душу человека, побуждать к размышлениям, облагораживать его жизнь, наполняя духовным смыслом. И потому я всегда повторяю слова Мильтиниса: "Театр - тот же храм".

Вы знаете, Мильтинис начинал работать здесь, когда Паневежис был еще совсем маленьким городом, образ жизни его жителей был замкнутым, мещанским. Режиссер не стал подлаживаться под этот быт, под провинциальные вкусы. Нет, он сразу заговорил с людьми языком высокого искусства, стал ставить сложные спектакли. Он не потакал зрителям, а растил их, как пастырь, в лучшем смысле этого слова.

Конечно, теперь многое из той атмосферы благоговейного отношения к театру утрачено. Говорят: такое время. Но мы и сами подрываем уважение и веру в свое искусство, когда потрафляем низким вкусам, распушенности, вводим в спектакли шлягеры, секс, приемы цирка.

Нигилизм разрушителен, он не способен создать что-либо действительно ценное. Актеру, особенно склонному к психологической игре, стало нечего делать на сцене. Нынешние молодые режиссеры увлеклись внешней формой, ставят "театр для театра", не ценят и не используют индивидуальные особенности актеров, режут и коверкают пьесы на свой лад. Отсюда - постоянные конфликты режиссеров с актерскими коллективами, драма театра.

- Какое время для вас лично памятно как наиболее плодотворное, светлое, творческое?

- Что говорить, все мы склонны идеализировать, приукрашивать свою молодость. Но для меня конец пятидесятых - шестидесятые годы, как, наверное, и для большинства актеров моего поколения, действительно многое значат. В то время в нашем театре были созданы лучшие спектакли Мильтиниса и нашего коллектива - "Гедда Габлер" Ибсена, "Макбет" Шекспира, "Смерть коммивояжера" Миллера, "Там, за дверью" Борхерта, "Иванов" Чехова и другие. Высшего мастерства достигли актеры Б. Бабкаускас, В. Бледис, Э. Шульгайте, Р. Зданавичюте, А. Масюлис, Г. Карка. Встретились талантливые, а главное, близкие по духу кинорежиссеры Витаутас Жалакявичюс, Андрей Тарковский, Савва Кулиш, Григорий Козинцев, Михаил Швейцер.

"Оттепель" тогда свалила камень с души, позволила вдохнуть свежего воздуха. Возродился интерес к человеку. Нас вдохновляла эта всеобщая потребность сказать новое слово, очиститься, пробиться к правде, сломать лед казенной догматики. В творчестве мы часто выражали то, о чем не могли открыто сказать в жизни. И как могли боролись за духовное освобождение человека, за возрождение его достоинства. Люди благодарно, восторженно воспринимали молодую литературу, театр, кинематографию. Контакт с публикой, со зрителем, с читателем был такой, о котором сейчас приходится только мечтать. Духовная работа, сделанная в 60-е годы художниками и обществом в целом, не прошла даром. Последующий холод не смог убить то, что произросло тогда.

- Какой же, на ваш взгляд, должна быть позиция художника в наше сложное время?

- Честной, осмысленной, несуетливой. Тем, кто сейчас торопится сказать, даже выкрикнуть то, что им представляется важным на сегодняшний день, уже завтра бывает стыдно за свои слова. Возбуждение в обществе и так достигло опасной черты. Лучше остановиться, сосредоточиться, может быть, даже помолчать. Сейчас голос художника почти не слышен. Не случайно творческая интеллигенция отходит от политики. Мне в связи с этим вспоминается герцог Альбани из "Короля Лира". Готовясь к съемкам фильма, я думал, что герцог не вмешивается в усобицу, в схватку за власть из-за своей слабости. Но Григорий Козинцев предложил другую трактовку образа, как я потом понял, очень верную и глубокую: Альбани стоит в стороне из-за того, что мудрее и честнее, чище других. Наверное, сейчас время размышлений, аккумуляции творческих сил.

- Читателям будет интересно знать, чем вы сейчас заняты, где играете.

- В своем театре - Гранд-Скубика в "Самоубийце" Эрдмана, еще несколько небольших ролей. Моя последняя роль - Швиттера по пьесе Дюрренматта "Метеор", которую у нас поставил режиссер из Швейцарии мой друг Петер Стойчев. В прошлом году на "Ленфильме" снялся у Евгения Татарского в фильме "Пьющие кровь" (по рассказу Константина Толстого). Нынче - в белорусском фильме "Ятринская ведьма" (режиссер Борис Шадурский). Трудно сказать, увидят ли зрители эти ленты - кинопрокат, по-моему, действительно превратился в "черную дыру" для многих фильмов. Но я и сам невысоко ценю свои последние работы. По правде сказать, не знаю, доведется ли сыграть еще какие-то значительные роли. Хотя... могут быть всякие неожиданности. Убежден, что в искусстве много значит счастливый случай. Может быть, Бог еще пошлет его...

Беседовал Геннадий ЛИТВИНЦЕВ.
Фото В. ЖАРНОСЕКОВА.

Донатас
БАНИОНИС:

"В творчестве
мы выражали то,
о чем не могли
сказать в жизни"

Эхо Литвы - Вильнюс - 1992 - 7.10.92 - с. 5